

А. ПОГОРЕЛЬСКИЙ

ЛАФЕРТОВСКАЯ
МАКОВНИЦА

ПОВЕСТЬ

ПОВЕСТЬ

М. АВЕРИНА-КАЮМОВА

ОБЛАКА ТВОЕЙ
ВСЕЛЕННОЙ

классик и современник под одной обложкой

— С Е Р И Я —
КЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Марьям Жаватовна Аверина-Каюмова
Антоний Погорельский
Лафертовская маковница.
Облака твоей вселенной
Серия «Классное чтение
(Союз писателей)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68844201

Лафертовская маковница : фантастическая повесть / А.

Погорельский. Облака твоей Вселенной : фантастическая повесть ;

Илия : фантастический рассказ / М. Аверина-Каюмова: Союз

писателей; Новокузнецк;

ISBN 978-5-00187-253-5

Аннотация

«Классное чтение» – проект, объединяющий литературу разных эпох. На страницах этой книги читателя ждёт старая и новая фантастика. Классика представлена дебютным произведением Антония Погорельского «Лафертовская маковница». В качестве примера современной литературы приведена история Марьям Авериной-Каюмовой «Облака твоей Вселенной».

«Лафертовская маковница» переносит читателя в конец восемнадцатого века. Вместе с автором он посещает Лафертовскую слободу, более известную как Лефортовская. Сейчас это почти центр города, но в те далёкие времена была настоящая окраина, где много всякого происходило. Жила там старушка, что днём торговала лепёшками с маком, а по ночам будущее предсказывала да с нечистой силой общалась.

«Облака твоей Вселенной» открывают портал в мир под названием Коланти, куда в результате череды случайностей и трагических обстоятельств попал младенец, принадлежащий к мудрому народу хайров. Отличный внешне и внутренне от своего окружения, он бы с детских лет чувствовал себя здесь чужим, если бы не добрая семья, приютившая малыша и воспитавшая как родного. Но время летит быстро. Он уже почти взрослый и хочет понять, кем является, отыскать свои корни и увидеть безграничную вселенную. Что ждёт его на непростом пути изысканий?

Содержание

Антоний Погорельский

6

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Антоний Погорельский
Лафертовская маковница
Марьям Аверина-Каюмова
Облака твоей Вселенной

© Аверина-Каюмова М., 2023

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2023

© ИП Соседко М. В., издание, 2023

Художник Анастасия Бугун

Дизайн обложки: Анастасия Бугун, Сергей Чалый

* * *

Антоний Погорельский

Лафертовская маковница

Лет за пятнадцать пред сожжением Москвы недалеко от Проломной заставы стоял небольшой деревянный домик с пятью окошками в главном фасаде и с небольшою над средним окном светлицею. Посреди маленького дворика, окружённого ветхим забором, виден был колодезь. В двух углах стояли полуразвалившиеся анбары, из которых один служил пристанищем нескольким индейским и русским курам, в мирном согласии разделявшим укреплённую поперёк анбара вежу. Перед домом из-за низкого палисадника поднимались две или три рябины и, казалось, с пренебрежением смотрели на кусты чёрной смородины и малины, растущие у ног их. Подле самого крыльца выкопан был в земле небольшой погреб для хранения съестных припасов.

В сей-то убогий домик переехал жить отставной почтальон Онуфрич с женою Ивановною и с дочерью Марьею. Онуфрич, будучи ещё молодым человеком, лет двадцать прослужил в поле и дослужился до ефрейторского чина; потом столько же лет верою и правдою продолжал службу в московском почтамте; никогда, или по крайней мере ни за какую вину, не бывал штрафован и наконец вышел в чистую отставку и на инвалидное содержание. Дом был его собственный, доставшийся ему по наследству от недавно скончавшейся престарелой его тётки. Сия старушка, при жизни своей, во всей Лафертовской части известна была под названием *Лафертовской маковницы*, ибо промысл её состоял в

продаже медовых маковых лепёшек, которые умела она печь с особенным искусством. Каждый день, какая бы ни была погода, старушка выходила рано поутру из своего домика и направляла путь к Проломной заставе, имея на голове корзинку, наполненную маковниками. Прибыв к заставе, она расстилала чистое полотенце, перевёртывала вверх дном корзинку и в правильном порядке раскладывала свои маковники. Таким образом сидела она до вечера, не предлагая никому своего товара и продавая оный в глубоком молчании. Лишь только начинало смеркаться, старушка собирала лепёшки свои в корзинку и отправлялась медленными шагами домой. Солдаты, стоящие на карауле, любили её, ибо она иногда потчевала их безденежно сладкими маковниками.

Но этот промысл старушки служил только личиною, прикрывавшею совсем иное ремесло.

В глубокий вечер, когда в прочих частях города начинали зажигать фонари, а в окрестностях её дома расстилалась ночная темнота, люди разного звания и состояния робко приближались к хижине и тихо стучались в калитку. Большая цепная собака Султан громким лаем провозглашала чужих. Старушка отворяла дверь, длинными костяными пальцами брала за руку посетителя и вводила его в низкие хоромы. Там, при мелькающем свете лампы, на шатком дубовом столе лежала колода карт, на которых от частого употребления едва можно было различить бубны от червей; на лежанке стоял кофейник из красной меди, а на стене висело реше-

то. Старушка, предварительно приняв от гостя добровольное подаяние – смотря по обстоятельствам, – бралась за карты или прибегала к кофейнику и к решету. Из красноречивых её уст изливались рекою пророчества о будущих благах, и упоённые сладкою надеждою посетители при выходе из дома нередко вознаграждали её вдвое более, нежели при входе.

Таким образом жизнь её протекала покойно в мирных сих занятиях. Правда, что завистливые соседи называли её за глаза колдуньей и ведьмою; но зато в глаза ей низко кланялись, умильно улыбались и величали бабушкою. Такое к ней уважение отчасти произошло от того, что когда-то один из соседей вздумал донести полиции, будто бы Лафертовская маковница занимается непозволительным гаданием в карты и на кофе и даже знает с подозрительными людьми! На другой же день явился полицейский, вошёл в дом, долго занимался строгим обыском и наконец при выходе объявил, что он не нашёл ничего. Неизвестно, какие средства употребила почтенная старушка в доказательство своей невинности; да и не в том дело! Довольно того, что донос найден был неосновательным. Казалось, что сама судьба вступилась за бедную Маковницу, ибо скоро после того сын доносчика, резвый мальчик, бегая по двору, упал на гвоздь и выколол себе глаз; потом жена его нечаянно поскользнулась и вывихнула ногу; наконец, в довершение всех несчастий, лучшая корова их, не будучи прежде ничем больна, вдруг пала. Отчаянный сосед насилу умилиствовал старушку слезами и по-

дарками – и с того времени всё соседство обходилось с нею с должным уважением. Те только, которые, переменяя квартиру, переселялись далеко от Лафертовской части, как например на Пресненские пруды, в Хамовники или на Пятницкую, – те только осмеливались громко называть Маковницу ведьмою. Они уверяли, что сами видали, как в тёмные ночи налетал на дом старухи большой ворон с яркими, как раскалённый уголь, глазами; иные даже божились, что любимый чёрный кот, каждое утро провожающий старуху до ворот и каждый вечер её встречающий, не кто иной, как сам нечистый дух.

Слухи эти наконец дошли и до Онуфрича, который, по должности своей, имел свободный доступ в передние многих домов. Онуфрич был человек набожный, и мысль, что родная тётка его свела короткое знакомство с нечистым, сильно потревожила его душу. Долго не знал он, на что решиться.

– Ивановна! – сказал он наконец в один вечер, подымая ногу и вступая на смиренное ложе, – Ивановна, дело решено! Завтра поутру пойду к тётке и постараюсь уговорить её, чтоб она бросила проклятое ремесло своё. Вот она уже, слава Богу, добывает девятой десяток; а в такие лета пора принести покаяние, пора и о душе подумать!

Это намерение Онуфрича крайне не понравилось жене его. Лафертовскую маковницу все считали богатою, и Онуфрич был единственный её наследник.

– Голубчик! – отвечала она ему, поглаживая его по намор-

ценному лбу, – сделай милость, не мешайся в чужие дела. У нас и своих забот довольно: вот уже теперь и Маша подрастает; придёт пора выдать её замуж, а где нам взять женихов без приданого? Ты знаешь, что тётка твоя любит дочь нашу; она ей крёстная мать, и когда дело дойдёт до свадьбы, то не от кого иного, кроме её, ожидать нам милостей. Итак, если ты жалеешь Машу, если любишь меня хоть немножко, то оставь добрую старушку в покое. Ты знаешь, душенька...

Ивановна хотела продолжать, как заметила, что Онуфрич храпит. Она печально на него взглянула, вспомнив, что в прежние годы он не так хладнокровно слушал её речи; отвернулась в другую сторону и вскоре сама захрапела.

На другое утро, когда ещё Ивановна покоилась в объятиях глубокого сна, Онуфрич тихонько поднялся с постели, смиренно помолился иконе Николая Чудотворца, вытер суконкою блистающего на картузе орла и почтальонский свой знак и надел мундир. Потом, подкрепив сердце большою рюмкою ерофеича, вышел в сени. Там прицепил он тяжёлую саблю свою, ещё раз перекрестился и отправился к Проломной заставе.

Старушка приняла его ласково.

– Эй, эй! племянничек, – сказала она ему, – какая напасть выгнала тебя так рано из дому да ещё в такую даль! Ну, ну, добро пожаловать; просим садиться.

Онуфрич сел подле неё на скамью, закашлял и не знал, с чего начать. В эту минуту дряхлая старушка показалась ему

страшнее, нежели лет тридцать тому назад турецкая батарея. Наконец он вдруг собрался с духом.

– Тётушка! – сказал он ей твёрдым голосом, – я пришёл поговорить с вами о важном деле.

– Говори, мой милой, – отвечала старушка, – а я слушаю.

– Тётушка! недолго уже вам остаётся жить на свете; пора покаяться, пора отказаться от сатаны и от наваждений его.

Старушка не дала ему продолжать. Губы её посинели, глаза налились кровью, нос громко начал стучаться об бороду.

– Вон из моего дому! – закричала она задыхающимся от злости голосом. – Вон, окаянный!.. и чтоб проклятые ноги твои навсегда подкосились, когда опять ты ступишь на порог мой!

Она подняла сухую руку... Онуфрич перепугался до полусмерти; прежняя, давно потерянная гибкость вдруг возвратилась в его ноги: он одним махом соскочил с лестницы и добежал до дому, ни разу не оглянувшись.

С того времени все связи между старушкою и семейством Онуфрича совершенно прервались. Таким образом прошло несколько лет. Маша пришла в совершенный возраст и была прекрасна, как майский день; молодые люди за нею бегали; старики, глядя на неё, жалели о прошедшей своей молодости. Но Маша была бедна, и женихи не являлись. Ивановна чаще стала вспоминать о старой тётке и никак не могла утешиться.

– Отец твой, – часто говаривала она Марье, – тогда рехнулся в уме! Чего ему было соваться туда, где его не спрашивали? Теперь сидеть тебе в девках!

Лет двадцать тому назад, когда Ивановна была молода и хороша, она бы не отчаялась уговорить Онуфрича, чтоб он попросил прощения у тётушки и с нею примирился; но с тех пор как розы на её ланитах стали уступать место морщинам, Онуфрич вспомнил, что муж есть глава жены своей, – и бедная Ивановна с горестью принуждена была отказаться от прежней власти. Онуфрич не только сам никогда не говорил о старушке, но строго запретил жене и дочери упоминать о ней. Несмотря на то, Ивановна вознамерилась сблизиться с тёткою. Не смея действовать явно, она решилась тайно от мужа побывать у старушки и уверить её, что ни она, ни дочь нимало не причастны дурачеству её племянника.

Наконец случай поблагоприятствовал её намерению: Онуфрича на время откомандировали на место заболевшего станционного смотрителя, и Ивановна с трудом при прощанье могла скрыть радость свою. Не успела она проводить дорогого мужа за заставу, не успела ещё отереть глаз от слёз, как схватила дочь свою под руку и поспешила с нею домой.

– Машенька! – сказала она ей, – скорей оденься получше; мы пойдём в гости.

– К кому, матушка? – спросила Маша с удивлением.

– К добрым людям, – отвечала мать. – Скорей, скорей, Машенька; не теряй времени; теперь уже смеркается, а нам

идти далеко.

Маша подошла к висящему на стене в бумажной рамке зеркалу, гладко зачесала волосы за уши и утвердила длинную тёмно-русую косу роговою гребёнкою; потом надела красное ситцевое платье и шёлковый платочек на шею; ещё раз два повернулась перед зеркалом и объявила матушке, что она готова.

Дорогою Ивановна открыла дочери, что они идут к тётке.

– Пока дойдём мы до её дома, – сказала она, – сделается темно, и мы, верно, её застанем. Смотри же, Маша, поцелуй у тётки ручку и скажи, что ты соскучилась, давно не видав её. Она сначала будет сердиться, но я её умилю; ведь не мы виноваты, что мой старик спятил с ума.

В сих разговорах они приблизились к дому старушки. Сквозь закрытые ставни сверкал огонь.

– Смотри же, не забудь поцеловать ручку, – повторила ещё Ивановна, подходя к двери. Султан громко залаял. Калитка отворилась, старушка протянула руку и ввела их в комнату. Она приняла их за обыкновенных вечерних гостей своих.

– Милостивая государыня тётушка! – начала речь Ивановна.

– Убирайтесь к чёрту! – закричала старуха, узнав племянницу. – Зачем вы сюда пришли? Я вас не знаю и знать не хочу.

Ивановна начала рассказывать, бранить мужа и просить прощенья; но старуха была неумолима.

– Говорю вам, убирайтесь! – кричала она, – а не то!.. – Она подняла на них руку.

Маша испугалась, вспомнила приказание матушки и, громко рыдая, бросилась целовать её руки.

– Бабушка, сударыня, – говорила она, – не гневайтесь на меня; я так рада, что опять вас увидела!

Слёзы Машины наконец тронули старуху.

– Перестань плакать, – сказала она, – я на тебя не сердита: знаю, что ты ни в чём не виновата, моё дитяtko! Не плачь же, Машенька! Как ты выросла, как похорошела!

Она потрепала её по щеке.

– Садись подле меня, – продолжала она, – милости просим садиться, Марфа Ивановна! Каким образом вы обо мне вспомнили после столь долгого времени?

Ивановна обрадовалась этому вопросу и начала рассказывать: как она уговаривала мужа, как он её не послушался, как запретил им ходить к тётушке, как они огорчались и как, наконец, она воспользовалась отсутствием Онуфрича, чтоб засвидетельствовать тётушке нижайшее почтение. Старушка с нетерпением выслушала рассказы Ивановны.

– Быть так, – сказала она ей, – я не злопамятна; но если вы искренно желаете, чтоб я забыла прошедшее, то обещайтесь, что во всём будете следовать моей воле! С этим условием я приму вас опять в свою милость и сделаю Машу счастливою.

Ивановна поклялась, что все её приказания будут свято исполнены.

– Хорошо, – молвила старуха, – теперь идите с Богом; а завтра ввечеру пускай Маша придёт ко мне одна, не ранее, однако, половины двенадцатого часа. Слышишь ли, Маша? Приходи одна.

Ивановна хотела было отвечать, но старуха не дала ей выговорить ни слова. Она встала, выпроводила их из дому и захлопнула за ними дверь.

Ночь была тёмная. Долго шли они, взявшись за руки, не говоря ни слова. Наконец, подходя уже к зажжённым фонарям, Маша робко оглянулась и прервала молчание.

– Матушка! – сказала она вполголоса, – неужели я завтра пойду одна к бабушке, ночью и в двенадцатом часу?..

– Ты слышала, что приказано тебе прийти одной. Впрочем, я могу проводить тебя до половины дороги.

Маша замолчала и предалась размышлениям. В то время когда отец её поссорился с своей тёткой, Маше было не более тринадцати лет; она тогда не понимала причины этой ссоры и только жалела, что её более не водили к доброй старушке, которая всегда её ласкала и потчевала медовым маком. После того, хотя и пришла уже она в совершенный возраст, но Онуфрич никогда не говорил ни слова об этом предмете; а мать всегда отзывалась о старушке с хорошей стороны и всю вину слагала на Онуфрича. Таким образом, Маша в тот вечер с удовольствием последовала за матерью. Но когда старуха приняла их с бранью, когда Маша при дрожащем свете лампы взглянула на посиневшее от злости лицо её, тогда

сердце в ней содрогнулось от страха. В продолжение длинного рассказа Ивановны воображению её представилось, как будто в густом тумане, всё то, что в детстве своём она слышала о бабушке... и если б в это время старуха не держала её за руку, то, может быть, она бросилась бы бежать из дому. Итак, можно вообразить, с каким чувством она помышляла о завтрашнем дне.

Возвратясь домой, Маша со слезами просила мать, чтоб она не посылала её к бабушке; но просьбы её были тщетны.

— Какая же ты дура, — говорила ей Ивановна, — чего тут бояться? Я тихонько провожу тебя почти до дому, дорогой тебя никто не тронет, а беззубая бабушка тоже тебя не съест!

Следующий день Маша весь проплакала. Начало смеркаться — и ужас её увеличился; но Ивановна как будто ничего не примечала, — она почти насильно её нарядила.

— Чем более ты будешь плакать, тем для тебя хуже, — сказала она. — Что-то скажет бабушка, когда увидит красные твои глаза!

Между тем кукушка на стенных часах прокричала одиннадцать раз. Ивановна набрала в рот холодной воды, брызнула Маше в лицо и потащила её за собою.

Маша следовала за матерью, как жертва, которую ведут на заклание. Сердце её громко билось, ноги через силу двигались, и таким образом они прибыли в Лафертовскую часть. Ещё несколько минут шли они вместе; но лишь только Ивановна увидела мелькающий вдали между ставней огонь, как

пустила руку Машину.

– Теперь иди одна, – сказала она, – далее я не смею тебя провожать.

Маша в отчаянье бросилась к ней в ноги.

– Полно дурачиться! – вскричала мать строгим голосом. – Что тебе сделается? будь послушна и не вводи меня в сердце!

Бедная Маша собрала последние силы и тихими шагами удалилась от матери. Тогда был в исходе двенадцатый час; никто с нею не повстречался, и нигде, кроме старушкина дома, не видно было огня. Казалось, будто вымерли все жители той части города; мрачная тишина царствовала повсюду; один только глухой шум от собственных её шагов отзывался у неё в ушах. Наконец пришла она к домику и трепещущею рукою дотронулась до калитки... Вдали на колокольне Никиты-мученика ударило двенадцать часов. Звуки колокола в тишине чёрной ночи дрожащим гулом расстилались по воздуху и доходили до её слуха. Внутри домика кот громко промяукал двенадцать раз... Она сильно вздрогнула и хотела бежать... но вдруг раздался громкий лай цепной собаки, закрипела калитка – и длинные пальцы старухи схватили её за руку. Маша не помнила, как взошла на крылечко и как очутилась в бабушкиной комнате... Пришед немного в себя, она увидела, что сидит на скамье; перед ней стояла старуха и тёрла виски её муравьиным спиртом.

– Как ты напугана, моя голубка! – говорила она ей. – Ну, ну! темнота на дворе самая прекрасная; но ты, моё дитяtko,

ещё не узнала её цены и потому боишься. Отдохни немного; пора нам приняться за дело!

Маша не отвечала ни слова; утомлённые от слез глаза её следовали за всеми движениями бабушки. Старуха подвинула стол на середину комнаты, из стенного шкафа вынула большую темно-алую свечку, зажгла её и прикрепила к столу, а лампаду потушила. Комната осветилась розовым светом. Всё пространство от полу до потолка как будто наполнилось длинными нитками кровавого цвета, которые тянулись по воздуху в разных направлениях – то свёртывались в клуб, то опять развивались, как змеи...

– Прекрасно! – сказала старушка и взяла Машу за руку. – Теперь иди за мною.

Маша дрожала всеми членами; она боялась идти за бабушкой, но ещё более боялась её рассердить. С трудом поднялась она на ноги.

– Держись крепко за полы мои, – прибавила старуха, – и следуй за мной... не бойся ничего!

Старуха начала ходить кругом стола и протяжным напевом произносила непонятные слова; перед нею плавно выступал чёрный кот с сверкающими глазами и с поднятым вверх хвостом. Маша крепко зажмурилась и трепещущими шагами шла за бабушкой. Трижды три раза старуха обошла вокруг стола, продолжая таинственный напев свой, сопровождаемый мурлыканьем кота. Вдруг она остановилась и замолчала... Маша невольно раскрыла глаза – те же кровавые

нитки всё ещё растягивались по воздуху. Но, бросив нечаянно взгляд на чёрного кота, она увидела, что на нём зелёный мундирный сертук; а на место прежней котовой круглой головки показалось ей человеческое лицо, которое, вытараща глаза, устремляло взоры прямо на неё... Она громко закричала и без чувств упала на землю...

Когда она опомнилась, дубовый стол стоял на старом месте, тёмно-алой свечки уже не было и на столе по-прежнему горела лампада; бабушка сидела подле неё и смотрела ей в глаза, усмехаясь с весёлым видом.

– Какая же ты, Маша, трусиха! – говорила она ей. – Но до того нужды нет; я и без тебя кончила дело. Поздравляю тебя, родная, – поздравляю тебя с женихом! Он человек очень мне знакомый и должен тебе нравиться. Маша, я чувствую, что недолго мне осталось жить на белом свете: кровь моя уже слишком медленно течёт по жилам и временем сердце останавливается... Мой верный друг, – продолжала старуха, взглянув на кота, – давно уже зовёт меня туда, где остывшая кровь моя опять согреется. Хотелось бы мне ещё немного пожить под светлым солнышком, хотелось бы ещё полюбоваться золотыми денежками... но последний час мой скоро стукнет. Что ж делать! чему быть, тому не миновать.

– Ты, моя Маша, – продолжала она, вялыми губами поцеловав её в лоб, – ты после меня обладать будешь моими сокровищами; тебя я всегда любила и охотно уступаю тебе место! Но выслушай меня со вниманием: придёт жених, назна-

ченный тебе тою силою, которая управляет большею частию браков... Я для тебя выпросила этого жениха; будь послушна и выдь за него. Он научит тебя той науке, которая помогла мне накопить себе клад; общими вашими силами он нарастёт ещё вдвое, – и прах мой будет покоен. Вот тебе ключ; береги его пуще глаза своего. Мне не позволено сказать тебе, где спрятаны мои деньги; но как скоро ты выйдешь замуж, всё тебе откроется!

Старуха сама повесила ей на шею маленький ключ, надетый на чёрный снурок. В эту минуту кот громко промяукал два раза.

– Вот уже настал третий час утра, – сказала бабушка. – Иди теперь домой, дорогое моё дитя! Прощай! может быть, мы уже не увидимся... – Она проводила Машу на улицу, вошла опять в дом и затворила за собой калитку.

При бледном свете луны Маша скорыми шагами поспешила домой. Она была рада, что ночное её свидание с бабушкой кончилось, и с удовольствием помышляла о будущем своём богатстве. Долго Ивановна ожидала её с нетерпением.

– Слава Богу! – сказала она, увидев её. – Я уже боялась, чтоб с тобою чего-нибудь не случилось. Рассказывай скорей, что ты делала у бабушки?

Маша готовилась повиноваться, но сильная усталость мешала ей говорить. Ивановна, заметив, что глаза её невольно смыкаются, оставила до другого утра удовлетворение своего любопытства, сама раздела любезную дочку и уложила её в

постель, где она вскоре заснула глубоким сном.

Проснувшись на другой день, Маша насилу собралась с мыслями. Ей казалось, что всё случившееся с нею накануне не что иное, как тяжёлый сон; когда же взглянула нечаянно на висящий у неё на шее ключ, то удостоверилась в истине всего, ею виденного, – и обо всём с подробностью рассказала матери. Ивановна была вне себя от радости.

– Видишь ли теперь, – сказала она, – как хорошо я сделала, что не послушалась твоих слёз?

Весь тот день мать с дочерью провели в сладких мечтах о будущем благополучии. Ивановна строго запретила Маше ни слова не говорить отцу о свидании своём с бабушкой.

– Он человек упрямый и вздорливый, – примолвила она, – и в состоянии всё дело испортить.

Против всякого ожидания Онуфрич приехал на следующий день поздно вечером. Станционный смотритель, которого должность ему приказано было исправлять, нечаянно выздоровел, и он воспользовался первою едущею в Москву почтою, чтоб возвратиться домой.

Не успел он ещё рассказать жене и дочери, по какому случаю он так скоро воротился, как вошёл к ним в комнату прежний его товарищ, который тогда служил будочником в Лафертовской части, неподалёку от дома Маковницы.

– Тётушка приказала долго жить! – сказал он, не дав себе даже времени сперва поздороваться.

Маша и Ивановна взглянули друг на друга.

– Упокой, Господи, её душу! – воскликнул Онуфрич, смиренно сложив руки. – Помолимся за покойницу, она имеет нужду в наших молитвах!

Он начал читать молитву. Ивановна с дочерью крестились и клали земные поклоны; но на уме у них были сокровища, их ожидающие. Вдруг они обе вздрогнули в одно время... Им показалось, что покойница с улицы смотрит к ним в комнату и им кланяется! Онуфрич и будочник, молившиеся с усердием, ничего не заметили.

Несмотря на то что было уже поздно, Онуфрич отправился в дом покойной тётки. Дорогою прежний товарищ его рассказывал всё, что ему известно было о её смерти.

– Вчера, – говорил он, – тётка твоя в обыкновенное время пришла к себе; соседи видели, что у неё в доме светился огонь. Но сегодня она уже не являлась у Проломной, и из этого заключили, что она нездорова. Наконец, под вечер, решились войти к ней в комнату, но её не застали уже в живых: так иные рассказывают о смерти старухи. Другие утверждают, что в прошедшую ночь что-то необыкновенное происходило в её доме. Сильная буря, говорят, бушевала около хижины, тогда как везде погода стояла тихая; собаки из всего околотка собрались перед её окном и громко выли; мяуканье её кота слышно было издалека... Что касается до меня, то я нынешнюю ночь спокойно проспал; но товарищ мой, стоявший на часах, уверяет, что он видел, как с самого Введенского кладбища прыгающие по земле огоньки длинными ряда-

ми тянулись к её дому и, доходя до калитки, один за другим, как будто проскакивая под неё, исчезали. Необыкновенный шум, свист, хохот и крик, говорят, слышен был в её доме до самого рассвета. Странно, что до сих пор нигде не могли отыскать чёрного её кота!

Онуфрич с горестию внимал рассказу будочника, не отвечая ему ни слова. Таким образом пришли они в дом покойницы. Услужливые соседки, забыв страх, который внушала им старушка при жизни, успели её уже омыть и одеть в праздничное платье. Когда Онуфрич вошёл в комнату, старушка лежала на столе. В головах у ней сидел дьячок и читал псалтырь. Онуфрич, поблагодарив соседок, послал купить восковых свеч, заказал гроб, распорядился, чтоб было что попить и поесть желающим проводить ночь у покойницы, и отправился домой. Выходя из комнаты, он никак не мог решиться поцеловать у тётушки руку.

В следующий день назначено быть похоронам. Ивановна для себя и для дочери взяла напрокат чёрные платья, и обе явились в глубоком трауре. Сначала всё шло надлежащим порядком. Одна только Ивановна, прощаясь с тёткою, вдруг отскочила назад, побледнела и сильно задрожала. Она уверяла всех, что ей сделалось дурно; но после того тихонько призналась Маше, что ей показалось, будто покойница разинула рот и хотела схватить её за нос. Когда же стали поднимать гроб, то он сделался так тяжёл, как будто налитой свинцом, и шесть широкоплечих почтальонов насилу могли его

вынести и поставить на дроги. Лошади сильно храпели, и с трудом можно было их принудить двигаться вперёд.

Эти обстоятельства и собственные замечания Маши подали ей повод к размышлениям. Она вспомнила, какими средствами сокровища покойницы были собраны, и обладание оными показалось ей не весьма лестным. В некоторые минуты ключ, висящий у неё на шее, как тяжёлый камень давил ей грудь, и она неоднократно принимала намерение всё открыть отцу и просить у него совета; но Ивановна строго за ней присматривала и беспрестанно твердила, что она всех их сделает несчастными, если не станет слушаться приказаний старушки. Демон корыстолюбия совершенно овладел душою Ивановны, и она не могла дожидаться времени, когда явится суженый жених и откроет средство завладеть кладом. Хотя она и боялась думать о покойнице и хотя при воспоминании об ней холодный пот выступал у неё на лице, но в душе её жадность к золоту была сильнее страха, и она беспрестанно докучала мужу, чтоб он переехал в Лафертовскую часть, уверяя, что всякий их осудит, если они жить будут на наёмной квартире тогда, когда у них есть собственный дом.

Между тем Онуфрич, отслужив свои годы и получив отставку, начал помышлять о покое. Мысль о доме производила в нём неприятное впечатление, когда вспоминал он о той, от которой он ему достался. Он даже всякий раз невольно вздрагивал, когда случалось ему вступать в комнату, где прежде жила старуха. Но Онуфрич был набожен и благоче-

стив и верил, что никакие нечистые силы не имеют власти над чистою совестью, и потому, рассудив, что ему выгоднее жить в своём доме, нежели занимать квартиру, он решился превозмочь своё отвращение и переехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.